

Подобно «Философии жизни», русские консерваторы XIX века понимали природу общественных функций государства и права как исходящих не из какой-либо теории или доктрины, а рождающихся из социальных реалий и запросов самой жизни общества.

Консерваторы ратовали за преобладание правового обычая в государственном правотворчестве, так как он имманентно и органично ложится на жизнь большинства людей в сообществе, нежели какая-либо доктрина либо умозрительный закон. Они констатировали, что, невзирая на иррациональность отдельных своих элементов традиционный правопорядок есть во многом воплощенное совершенство структурированного бытия, потому обычай, который кажется уже устаревшим, оказывается более живым и полезным. «Уничтожение правового обычая традиции во имя призрачной «рациональности» лишает человека необходимых образцов правового поведения, созданных на протяжении веков, не давая ничего взамен»¹.

Консервативная правовая традиция в России критиковала либерализм за следование прогрессу, так как большинство граждан в России были крайне далеки от прогрессистских и просвещенческих идей, которые для национального правосознания являлись чуждыми. Как любое государственное право, российское право, должно находить отклик в национальном менталитете, присущем большинству граждан, а законодатели и исполнители должны искать опору на правовые идеи, которые соответствуют национальной культуре правосознания. Иначе право не сможет гармонизировать с нравственностью и будет не способно объединить общество в единую духовно-идеологическую систему.

Консерваторы не желали рассматривать права отдельного человека как обособленного индивидуума, в России более характерно, по их мнению, рассматривать человека в связи с обществом как социального субъекта. Социальный субъект права у консерваторов не является просто абстрактным, он национально и культурно обусловлен, является носителем национального и корпоративного менталитета и традиций. Правовой социальный субъект отражает реальную национальную, государственную или цивилизационную общность как микрокосм. И. А. Треушников пишет о социальном субъекте, как сложившемся в рамках бурлящего этно котла Евразии типаже, называя его «симфонической личностью»². Человечество как некое абстрактное целое русскими консерваторами отвергалось, а рассматривалось и принималось во внимание как органичное целое — Российское государство.

В основе национальной правовой культуры в России консерваторы XIX века видели разные феномены: государство, народность, церковь, самодержавие. В современной правовой традиции эти основания правовой отечественной культуры по-прежнему актуальны. Консервативная линия сейчас в России имеет широкий резонанс и народную поддержку. Большинство наших граждан живут уже не в традиционном обществе, но и не в постиндустриальном. Вера в прогресс, науку и единение в глобальном пространстве пошатнулись из-за новых разновекторных национальных интересов государств, невозможности решения глобальных проблем и неизменно эгоистической природы человека.³

В связи с вышесказанным, можно говорить о консервативной революции в России, которая усматривает прогресс в движении к своим истокам, корням, особенностям менталитета и традиционности. Подобная консервативная революция — это достаточно смелое, но своевременное решение на фоне глобального давления на все сферы нашей общественной жизни из вне.

Горбачев Владимир Викторович,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Ценностные и правовые основания социально-исторической памяти

Более 30 лет прошло с момента прекращения действия Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи Советского Союза, как системообразующего элемента этих военно-политической

¹ Галанина Н. В., Золкин А. Л. Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма и формирование современной цивилизационной концепции развития общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 5–18

² Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42

³ Ивашевский С. Л. Цели и средства развития российской науки // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–3. С. 110–113.

и социально-экономических организаций. С их исчезновением ушел в прошлое не только «социалистический лагерь», но и что, на наш взгляд, гораздо опаснее, признаваемый как странами «коллективного Запада», так и Россией, как правопреемницей Союза ССР единообразное понимание итогов второй Мировой войны, в частности и содержание института социально-исторической памяти в более глобальном понятии. В 21 веке данный институт подвергся чрезвычайно массивной информационно-пропагандистской атаке со стороны как научного сообщества, так и официально-политических структур США и их союзников. Целью данной атаки, на наш взгляд, стал полный слом социальной и исторической памяти не только о причинах, ходе и итогах второй Мировой войны, но и насаждение псевдопамяти, коренным образом искажающей и извращающей роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и ее союзниками. В странах Восточной Европы, Прибалтики и Украине появились «институты национальной памяти», заявляемые задачи которых абсолютно расходились с теми исследованиями и результатами, которые продуцировались и продолжают производиться данными учреждениями. В настоящее время отношение исторической правде у наших «западных партнеров» и отдельных представителей «либеральной интеллигенции» напоминает высказывание персонажа одного из пьес Г. Горина «Правды вообще не бывает. Правда — это то, что в данный момент считается правдой...»¹. При таком подходе и социальная и историческая память уходят на задний план. В данном исследовании мы намерены рассмотреть аксиологические и правовые основания социально-исторической памяти и предложить возможные конкретные шаги по ее защите.

С точки зрения составителей большой российской энциклопедии, под памятью в максимально общем смысле необходимо понимать принадлежащую живым организмам способность не только осуществлять хранение, но и неоднократное воспроизведение сохраненных информационных данных. Анализируя понятие памяти с философских позиций, авторы энциклопедии понимают под таковой проистекающие в сознании человека процессы, обеспечивающие такую сохранность и внутреннюю организацию уже имеющегося у индивида опыта, которые позволяют ему использовать данный опыт вторично в процессе деятельности активности, а также возвращать данный опыт в область активного сознания².

Можно согласиться с мнением И. А. Чурсановой, что в самом расхожем понимании память воспринимается как некий чрезвычайно субъективный элемент каждого конкретного индивида, иллюстрирующий его прошлый опыт³. Применительно к содержательному наполнению понятия «социальная память», нам представляется интересной позиция И. Е. Козновой, рассматривающей данную разновидность памяти не только и не столько как воспоминание о прошедших событиях, сколько как процедуру избирательного воссоздания — «конструирования» прошедших событий. Такого рода процедура может реализовываться через воспоминания субъекта и фактическое создание «воображаемого прошлого». Полагая, что память являет собой определенный символ ранее произошедших событий, указанный автор делает вывод, что память существует единомоментно и в прошлом, и в настоящем⁴.

Обращаясь к научному пониманию такой категории, как историческая память, нам кажется интересной трактовка Л. П. Репиной. Данный автор предлагает рассматривать в качестве исторической правды или воспринимаемую определенной социальной группой ее коллективную память или признаваемую обществом в качестве исторической истины память социального характера, либо как максимально полное восприятие научных и околонучных знаний в совокупности с максимально распространенными в обществе представлениями о его (общества) прошлом⁵.

Под ценностными основаниями аксиологическая наука рассматривает те значимые и фактически неоспоримые для отдельного индивида, социальной группы, общества категории, на базе которых осуществляется построение и последующее поступательное развитие и совершенствование личности, общества и государства. В таком случае под ценностными основаниями социально-исторической памяти России и российского общества мы можем рассматривать те знаковые исторические события, имевшие место в истории нашего государства, безотносительно от формы

¹ Горин Г. Тот самый Мюнхгаузен. Комическая фантазия. М., Советский писатель, 1986.

² Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2701466> (дата обращения: 21.12.2021).

³ Чурсанова И. А. Проблема соотношения истории и социальной памяти: опыт теоретической реконструкции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 181.

⁴ Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003, № 2. С. 26.

⁵ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

правления и государственного устройства на момент их объективизации, которые получили однозначную оценку своей важности и «значимости» для России и мира, не только от официальной историографии и исторической науки, не только от мирового сообщества на определенном историческом этапе его развития, но прежде всего от отечественного социума — российского народа. Такого рода ценностные основания далеко не обязательно могут и должны оцениваться российским обществом с положительной стороны. Они могут носить и отрицательный характер, равно как и вызывать в обществе ожесточенные споры относительно положительности / отрицательности их воздействия на отечественную историю и общество. Главное, что общество и государство расценивало данное историческое событие, историческую личность как значимое. Как выразился один из персонажей английского бестселлера «Тот, чье имя нельзя называть, совершал великие дела... Ужасные, но великие!»¹.

Говоря о правовых основаниях социально-исторической памяти, мы считаем возможным отнести к ним те законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, нормами которых опосредуется содержательная часть рассматриваемой нами памяти, ее ценностных оснований. Кроме того, данные правовые основания, на наш взгляд, могут и должны предусматривать нормы права, регламентирующие юридическую ответственность для лиц, осуществляющих посягательство на институт социально-исторической памяти России и российского народа. Как отмечают И. А. Попп и И. С. Шахнович, в целях правовой защиты исторической памяти о роли Советского Союза и его граждан в разгроме гитлеровской Германии, социальной защиты ветеранов и участников Великой Отечественной войны², Государственной Думой ФС Российской Федерации в 1995 году был принят федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941—1945 годов»³. В качестве ответа на посягательства со стороны отдельных государств и их социальных институтов на социально-историческую память российского народа о решающей роли советского народа в победе во второй Мировой войне, данный законодательный акт в 2021 году был дополнен статьей 6.1 о запрете самого факта отождествления в публичном пространстве действий Союза ССР, его вооруженных сил с нацистской Германией и вермахтом⁴.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве административно наказуемого деяния рассматривает намеренно совершаемую пропаганду, а равно публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики. Ответственность за такую противоправную деятельность регламентирована частью 1 статьи 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. В качестве обязательного условия привлечения лица к административной ответственности за такого рода действия выступает умышленный характер совершаемых действий, прямо запрещенных статьей 6 ФЗ № 80 1995 года.

К более жесткой уголовной ответственности подлежит привлечение лицо, осуществляющее действия, направленные на реабилитацию нацизма, ответственность за совершение которых предусматривает статья 354¹ УК РФ. Применительно к анализируемой нами правовой основе социально-исторической памяти, наибольший интерес вызывает содержание диспозиции части 3 данной статьи, предусматривающее уголовную ответственность лица за публично совершаемое оскорбление памяти защитников Отечества.

Полагаем, наше краткое исследование было бы неполным без формулирования предложений по совершенствованию защиты социально-исторической памяти России и российского народа. Прежде всего патриотизм должен рассматриваться как один из важнейших приоритетов государственной социальной политики российского государства и общества⁵.

¹ Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London, Bloomsbury, 1997. 223 p.

² Попп И. А., Шахнович И. С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С. 44.

³ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941—1945 годов: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г. № 21, ст. 1928.

⁴ О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 278-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. 1, ст. 5106.

⁵ Ивашевский С. Л. Особенности совершенствования нормативной базы патриотического воспитания в органах внутренних дел современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 25—30.

Действующая редакция части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации закрепляет прямой запрет на установление любой идеологии как общегосударственной, а равно обязательной. Мы полагаем, что давно назрел вопрос о пересмотре данного императива и проведении широкой общероссийской дискуссии об оформлении в качестве государственной идеологии охраны и увековечивания ценностных оснований социально-исторической памяти российского социума.

Базурина Елена Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Правовое сознание русских как проявление коллективной социально-исторической памяти

В последние десятилетия понятия органического, традиционного во всех аспектах нашей жизни обсуждаются активно в связи с регулярными противоречиями в понимании того, каким путем следует развиваться в дальнейшем. Актуальна эта тема не только в масштабах России или даже республик бывшего СССР. Те же проблемы актуальны и для стран Запада. Показательно, что в начале XXI века в Великобритании было проведено массовое исследование молодежи от 18 до 23 лет, этнических британцев с целью выяснить, насколько основные черты британского традиционного менталитета сохраняются в людях нового тысячелетия. Результат был получен однозначный: британский менталитет с его наиболее характерными чертами сохраняется, несмотря на все новые технологии, в полной мере. Аналогичные исследования проводятся и в нашей стране (всем заинтересованным лицам рекомендуем обратиться, например, к трудам профессора Ю. И. Александрова). Показательно, что результаты в нашей стране получены того же рода.

В общем контексте жизнедеятельности этноса мы предлагаем понимать традицию и менталитет как способ выживания конкретного народа в конкретных исторических условиях. Однако не будем забывать, что, говоря о традиции и менталитете, мы подразумеваем некие базовые, неизменяемые показатели. И, в первую очередь, имеем в виду, конечно, те показатели, которые относят в аксиологии к ценностям первого уровня, то есть тому, за что в критической ситуации человек готов отдать свою жизнь. В то же время ценности второго уровня (то, что «желательно», но «не обязательно»), безусловно, меняется и становится то критически важным, то не имеющим значения в жизни людей почти никакого.

В декабре 2021 года мы будем отмечать — кто-то радостно, а большинство с нескрываемой грустью тридцатилетие новой демократической с откровенно либеральным уклоном российской государственности. Специфика нашей государственности на протяжении всех этих лет — отсутствие какой-либо государственной идеологии. Невероятно, но факт — государство, просуществовавшее в качестве общепризнанного уже более четверти века, до сих пор существует в рамках навязанной извне (что признается всеми — и правыми, и левыми, и чиновниками, и публицистами) Конституции. В нашей Конституции до сих пор официально закреплено отсутствие государственной идеологии, а, следовательно, закреплено отсутствие ясного представления о цели государственного строительства как таковой, о том идеальном состоянии государства, к которому мы стремимся.¹

Система права в каждом государственном образовании существует и действует в тесной взаимосвязи с основным законом и целями, которые в нем провозглашаются. Как следствие, откровенно либеральный основной закон предполагает и систему права, ориентирующуюся на систему права, приветствуемую либералами. Однако в нашей стране эта налаженная англосаксонская схема управления извне дала сбой. Связано это оказалось с прямо противоречащей желаниям и настроениям либералов традиционной русской системой ценностей.

В последние годы все чаще система правосудия (в противоположность ситуации 1990-х годов) и действия правоохранительных органов приветствуются населением. Это относится и к

¹ См.: Треушников И. А., Ивашевский С. Л. Правовой идеал и качество отечественного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 210–212.